

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 138, март 2026

Слово, письмо и искусственный интеллект

В эссе об эволюционном процессе, приведшем к появлению *Homo sapiens*, мы увидели, как Фридрих Энгельс связывает язык с цепочкой причин, которые на протяжении сотен тысяч лет, наряду с прямохождением, руками и трудом, определили эволюцию мозга.

«Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу».

Итак: «сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг»¹.

Энгельс, несмотря на свои новаторские знания о дарвиновском эволюционизме, указывает на различие между очень длительным эволюционным процессом на биологической основе, опосредованным трудом, и последующим развитием человека, определяемым исключительно социальными факторами: «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим всё новые и новые толчки к дальнейшему развитию»². Здесь происходит переход к человече-

ской эволюции как результату социальных отношений, а больше не как биологическому эволюционному процессу. И здесь значительно усиливается роль языка, как устного, так и письменного, в двух его функциях. Во-первых, как инструмент для социального распространения знаний, начиная с технологий, связанных с трудом, и самого разделения труда. Во-вторых, как средство передачи этих знаний следующим поколениям.

«Это дальнейшее развитие с момента окончательного отделения человека от обезьяны отнюдь не закончилось», – то есть не ограничилось только биологической селекцией, которая в связи рука-труд-язык-мозг привела от *homo erectus* к *homo sapiens*, – «а, наоборот, это развитие продолжалось и после этого; будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед, получив, с одной стороны, новый мощный толчок, а с другой стороны – более определенное направление благодаря тому, что с появлением готового человека возник вдобавок еще новый элемент – общество»³.

Мозг и человеческое сознание как социальный продукт: отсюда Амадео Бордига, в тексте 1953 года по национальному вопросу, начинает свое размышление о «социальной работе и слове». Его пояснение повторяет тезисы Энгельса:

«Любая совместная деятельность людей, направленная на производство в самом широком смысле, требует системы коммуникации между работниками для эффективного сотрудничества. Сначала это простое стремление к добыче или защите, для которого достаточно инстинктивных побуждений, животного толчка или крика,

но, когда требуется выбор времени или места действия, или средства (примитивный инструмент, оружие и т. д.), в результате длинной серии неудачных попыток и корректировок возникает слово».

Для демонстрации этого процесса Бордига изобретает удачную популяризацию, ссылаясь на библейскую историю о Вавилонской башне. Вавилонская империя уже являлась могущественным государством, которое использует узников и подневольных рабочих для «колоссальных работ» по строительству и ирригации. Миф о падении башни, которая должна была быть настолько высокой, чтобы бросить вызов небу, является распространенным сюжетом во многих культурах, где человеческое высокомерие получает божественную кару: это кража огня Прометеем или полет Икара, осмеленный Дедалом. Рассказ о катастрофе, с другой стороны, звучит как «еще одно доказательство реального естественного процесса в отношении языка»:

«Несчетные рабочие, сменные мастера, архитекторы имеют разное и далекое происхождение, они не говорят на одном языке, не понимают друг друга, выполнение проектов и распоряжений хаотично и противоречиво, а здание, достигнув определенной высоты, из-за ошибок, вызванных языковой путаницей, может только рухнуть, так что его творцы либо раздавлены, либо разбегаются в ужасе от наказания богов». Подтекст этой истории для Бордиги заключается в том, что «невозможно строить, если нет общего языка: камни,

руки, рычаги, молотки, кирки не достаточны, если нет инструмента, средства производства, которое дает один и тот же язык, один и тот же словарный запас и формуляр, общий и хорошо известный всем».

Несомненно, заключает он, для материалистического понимания марксизма язык является «одним из орудий производства».

К этому нужно добавить, что в пунктах современной многоэтничной концентрации нашего класса владение словом является частью защиты класса. Ни один рабочий или волонтер языковых школ не может это отрицать.

При оценке нынешнего вторжения искусственного интеллекта, особенно так называемого генеративного ИИ, основанного на высокоэффективных лингвистико-вероятностных моделях, отправной точкой является подтверждение того, что речь идет о развитии производительных сил. Следующим шагом является отнесение критических аспектов ИИ, столь обсуждаемых в борьбе капиталов, вовлеченных в этот процесс, не столько к внутренней сущности этой технологии, сколько к фундаментальному противоречию между развитием производительных сил и капиталистическими отношениями производства.

Lotta comunista, февраль 2026 г.

1 – Энгельс Ф. «Роль труда в превращении из обезьяны в человека», Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Соч. 3-е изд. Т. 20. С. 489-490.

2 – Там же.

3 – Там же.

Содержание

Слово, письмо и искусственный интеллект	стр. 1
Москва ищет возможности в стратегии безопасности США	стр. 2
Время индийского империализма	стр. 3
Десятилетие нарушения равновесия	стр. 4

Москва ищет возможности в стратегии безопасности США

В новой Стратегии национальной безопасности США (СНБ) Россия помещена в европейский «кейс», на третьем месте среди региональных приоритетов, после Западного полушария и Азии. Она больше не считается «существенной угрозой», напротив, критикуются «многие европейцы», которые считают ее таковой.

В сочетании с позицией Дональда Трампа, из раза в раз открывающего переговоры с Москвой по Украине, это способствует созданию образа сближения между двумя державами. Конечно, нельзя проводить никаких сравнений с эпохой Ялты, по крайней мере по двум причинам: во-первых, потому что с тех пор мир сильно изменился, начиная с воссоединения Германии и Европы и появления Китая как великой империалистической державы; а во-вторых, потому что именно та часть, которая тогда входила в состав СССР, уже четыре года является ареной кровопролитной войны, унесшей жизни сотен тысяч людей. Это отступление не может скрыть никакой имидж.

Осторожность России

В Москве аналитики и комментаторы задаются вопросом о значении и перспективах этой новой американской стратегии. Общий тон – это осторожность и, в крайнем случае, поиск преимуществ для России, вытекающих из изменения отношений между США и Европой.

Те, кто наиболее открыто выступает в поддержку войны в Украине, также больше других предупреждают об опасности. Среди них Дмитрий Тренин, который после служения в армии СССР и работы директором Московского центра Карнеги теперь занимается научной деятельностью в различных учреждениях, таких как Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Российский совет по международным делам (РСМД). В журнале “Профиль” он излагает свое видение СНБ как «прагматичной», но «агрессивной» стратегии, направленной на «сохранение военного превосходства» и «мир только через силу»; в целом, не «отступление», а «избирательное укрепление гегемонии», «рационализация американской империи» (“Russia Today”, 30 января). По мнению Тренина, Москва должна сделать из этого три вывода: США останутся геополитическим противником; их упадок не следует переоценивать; Россия должна усилить свой потенциал ядерного сдерживания.

Снижение влияния

Даже другие, более мейнстримные и лояльные комментаторы призывают к осторожности в суждениях: они подчеркивают, что линия Трампа в некотором смысле является вынужденной и отражает относительный упадок американской силы.

Эта оценка содержится в серии статей, которые Федор Лукьянов,

председатель Совета по внешней политике и обороне, написал для журнала “Россия в глобальной политике”, который он возглавляет. 16 декабря он обратил внимание на то место, которое СНБ отводит России: она больше не «представляется как угроза или “изгой”», ни как «глобальный претендент», а скорее как «часть европейского ландшафта». Однако это Россия «включенная, но не на равных», в роли, которая «еще не приемлема» для Москвы.

В статье 1 января он сравнивает линию *America First* Трампа с линией, изложенной Джорджем Бушем в 2001 году, «в момент максимальной глобальной мощи Соединенных Штатов». Кроме того, он отмечает, что «25 лет, даже в более спокойные времена, — это достаточный период для серьезных изменений; тем более сегодня, когда десять лет сжимаются в один». Отсюда и решение американской администрации критически переосмыслить тогдашние решения и принять прагматичную линию.

Наконец, 11 января Лукьянов делает вывод: «Действия Вашингтона отражают осознанное или, возможно, интуитивное (скорее второе) понимание того, что возможности США сокращаются. Отсюда и стремление использовать все ресурсы, пока накопленное преимущество не исчезло». Подразумевается, что Вашингтон больше обеспокоен соперничеством с Пекином, чем с Москвой.

Европейские пределы?

В ряде комментариев рассматриваются пределы, которые Россия может использовать в политике, изложенной в СНБ. Об этом в ряде выступлений говорит Тимофей Бордачев, программный директор Валдайского клуба. 9 декабря он пишет в “Взгляде”, что США унижают Европу, поэтому «не следует исключать возможность того, что в будущем отношения с нашими соседями в Западной Евразии могут быть установлены на условиях, выгодных для Москвы». Следует отметить упоминание Европы как «соседей в Западной Евразии», что свидетельствует о том, что внимание к ней не было полностью поглощено войной на Украине.

Бордачев возвращается к этой теме 20 января в той же газете: давление США на Европу может привести к «кризису и внутренним спорам на Западе, которые могут закончиться полным поражением европейцев». Начнется переходный период, который «грамотно» использовать «России, Китаю и остальному здравому человечеству».

Наиболее явное высказывание было сделано 3 февраля на форуме “Валдай”. Бордачев напоминает, что стратегия США «стремится снизить вероятность подлинного примирения между Россией и ее западными соседями», поскольку «такое примирение революционизировало бы международную политику, и поэтому Америка, как наиболее реакционная сила, будет пытаться его

предотвратить». Но не факт, что это стремление США осуществится, наоборот: «если США будут продолжать терять политические и экономические возможности», могут появиться европейские элиты, менее зависимые и «благоклонные к России».

Следует отметить, что другие аналитики более осторожны в своих прогнозах относительно разрыва отношений между США и ЕС. Так, Иван Тимофеев, генеральный директор РСМД, считает, что в 2025 году трансатлантические отношения «продемонстрировали неожиданную напряженность», но это не первый случай: он вспоминает Суэцкий кризис 1956 года, американское противодействие участию Германии в строительстве сибирского газопровода в 1980-х годах, противодействие Франции и Германии войне в Ираке в 2003 году, вплоть до попытки заблокировать Северный поток-2, которая в итоге увенчалась успехом, как мы знаем. Однако в прошлом обе стороны Атлантики всегда находили способ наладить отношения. И даже сейчас «еще слишком рано говорить о необратимом расколе» (“Валдай”, 13 января).

Попытки диалога

Тема отношений между Россией и ЕС, тем не менее, является фоном этой дискуссии. С этой целью европейские политические лидеры вновь заявляют о своей готовности к диалогу.

В статье “Взгляд” (19 января) приводится заявление президента Франции Эммануэля Макрона о необходимости наладить диалог с Москвой «как можно скорее» и, прежде всего, выступление канцлера Германии Фридриха Мерца 14 января на приеме в Галле перед предпринимателями и представителями регионов. Вот его слова: «Если нам удастся вернуть мир и свободу в Европу, если мы наконец восстановим равновесие в отношениях с нашим крупнейшим европейским соседом, то есть с Россией, если нам удастся все это, то тогда ЕС, а также мы в Германии, пройдем еще одно испытание». В своей речи Мерц несколько раз повторил, что «Россия — европейское государство», что в данном контексте является скорее политическим, чем географическим соображением.

В той же статье приводится комментарий старшего научного сотрудника ИМЭМО, Дмитрия Офицерова-Бельского. Признавая Россию европейской страной, а не чужой, Мерц «превращает [украинский] конфликт из эпохальной битвы во внутренний спор Европы, один из многих, которые континент переживал на протяжении веков». И всегда в прошлом после войны наступало «внутреннеевропейское примирение или даже союзы между бывшими вра-

гами». В качестве примера приводится австро-прусская война 1866 года, «которая не помешала Австрии вскоре после этого стать главным союзником объединенной Германии». Возвращаясь к современности, по мнению Офицерова-Бельского, «вероятно, Мерц пытается напомнить американцам, что эта война не нужна Европе и что Европа может примириться с русскими». В общем, все пути остаются открытыми.

Даже в Кремле, несмотря на ограниченные возможности, оставленные текущим конфликтом, отношения с Европой не окончательно разрушены. Сам министр иностранных дел Сергей Лавров в интервью российскому телеканалу RT 5 февраля отметил изменение отношения европейских политиков к Москве, цитируя именно заявления Макрона и Мерца. Очевидно, он объясняет это изменением осознанием того, что их планы «стратегического поражения» России провалились. Лавров также сообщает, что контакты с некоторыми европейскими лидерами продолжают: «Они звонят нам и просят не обнародовать содержание разговоров. Некоторые поддерживают здесь контакты “под ковром”». И все это несмотря на то, что «американцы никогда не хотели и до сих пор не хотят предоставить европейцев самим себе».

Условное предложение

В интервью министр иностранных дел также выдвигает то, что можно истолковать как условное предложение. Он делает это, заявляя, что Россия заинтересована в системе «всеобщей безопасности Евразии», концепция, которая в российской стратегической разработке также включает Западную Европу. Однако Лавров сетует на то, что со стороны Европы «попытки построить систему безопасности рассматривались только в контексте евроатлантической безопасности». Как бы говоря: вам решать, расширять ли горизонты.

Здесь мяч возвращается в Брюссель и к способности европейского руководства принимать решения. Именно Тимофеев ставит перед ЕС дилемму «что делать?» (“Валдай”, 22 января). Решающим вызовом, пишет он, является «внутренняя трансформация» Союза в направлении большей централизации в области политики, законодательства и безопасности. Европейский Совет, приняв в декабре план помощи Украине, продемонстрировал, что умеет ограничивать право вето государств даже в чувствительных областях. Но проблема остается: вопросы безопасности требуют, чтобы «ЕС становился все более централизованным и решительным в своих решениях», но готовы ли государства-члены «уменьшить свой фактический суверенитет?».

Lotta comunista, февраль 2026 г.

Время индийского империализма

Темпы развития индийского гиганта — одно из ключевых переменных, влияющих на баланс сил в Азии и, соответственно, в мире. От них зависит возможность уравновесить китайского гиганта. Сохраняя высокий темп роста, Индия сократит время, которое будет у Китая для укрепления своих позиций в Азии, прежде чем региональный баланс сил станет менее благоприятным или, в любом случае, прежде чем другие державы смогут оказать более сильное влияние на индийского Слона, чтобы об-условать его.

Старые метрополии империализма, таким образом, могли бы поддержать подъём Индии — по крайней мере до тех пор, пока второй азиатский хищник не предъявит им счёт.

С точки зрения субконтинента об этом сообщает ХаршПант, вице-президент Observer Research Foundation в Дели, основанной в 1990 году семьей Амбани, владельцами крупнейшего индийского концерна Reliance Industries, занимающегося нефтехимической промышленностью, с капиталом в 228 млрд долларов и 382 тыс. сотрудников. Пант пишет в “Power and purpose” (2025), что после либерализации 1991 года экономический, политический и военный подъём Индии сделал ее «страной, с которой стоит вступать в союз» в Азии, отчасти для уравновешивания Китая. Военные расходы в Азии уже взлетели до небес. Война вновь становится центральным элементом международных отношений, что побуждает Японию пересмотреть свою политику в области конвенционального и стратегического вооружения.

Индо-Тихоокеанская область станет решающей ареной напряженности, ключевым узлом мировой экономики и политики. Индия, заключает Пант, сможет извлечь выгоду из своего многостороннего альянса при условии, если она сможет выдержать еще один отрезок экономического взлета.

Диалектика между экономическими ритмами Ганга и политико-военными темпами Тихого океана отсылает нас к нашему анализу неравномерного экономического и политического развития, а также к последствиям империалистического развития на азиатской шахматной доске. Движение экономических сил, основанное на характеристиках империалистической фазы, дает предварительную картину, в рамках которой развиваются отношения между державами, но не может их объяснить. Чтобы объяснить или хотя бы описать эти отношения, нужен подробный анализ системы государств, нужна марксистская наука о международных отношениях. Что касается основных черт подъема Индии, то здесь нужно вернуться к «пяти главным признакам» империалистической фазы, выделенным Лениным.

Империализм является результатом неравномерного развития капитализма и, в конечном счете, неравномерной степени концентрации между группами, секторами, странами. «Не случайно, — отмечает Арриго Черветто, — первая глава книги Ленина “Империализм” посвящена «Концентрации производства и монополиям»: остальные главы представляют собой не что иное, как анализ глобальных последствий действия закона концентрации [...], который имеет неравные степени развития». «Обозначения» следует понимать как средства для анализа неравномерного развития империализма, для исследования этого процесса, а не для его маркировки или ограничения рядом схем.

В ходе развития концентрация производства и капитала достигает такой высокой степени, что создает доминирующие группы «с решающей функцией» в экономической жизни, на внутреннем и, следовательно, мировом рынке. Концентрация банковского сектора приводит

к слиянию банков и промышленности в финансовый капитал.

Мы наблюдаем формирование крупных предприятий, которые, по данным Индийского совета по исследованиям в области международных экономических отношений, занимают 30% рабочей силы Индии в сфере производства. В рейтинге “Fortune” 500 крупнейших мировых концернов по обороту в настоящее время представлены девять индийских концернов, столько же, сколько было у Китая в 2000 году. Reliance Industries занимает первое место: компания начала свою деятельность в 1960-х годах с текстильной промышленности в Махараштре и Гуджарате, а затем расширила свою деятельность в нефтехимической промышленности, занявшись производством полизифирных нитей и заключив соглашения с американской компанией DuPont.

State Bank of India — крупнейшая финансовая группа, возникшая из Imperial Bank, созданного в 1921 году в результате слияния банков под британским влиянием: Bank of Calcutta, основанного в 1806 году, Bank of Bombay, основанного в 1840 году, и Bank of Madras, основанного в 1843 году. История финансового капитала напоминает нам о страницах Маркса, посвященных первым шагам капитализма в Индии, последовавшим за английским колониализмом. Более 170 лет неравномерного развития завершаются созреванием индийского империализма.

Концентрация и централизация капитала перетекают через границы во внешнюю проекцию. Большое значение приобретает экспорт капитала, с включением держав в финансовую глобализацию унитарного империализма, с острой конкуренцией между дифференцированными доходами от взаимного проникновения и с отражением в зоны экспансии. Каждая держава характеризуется неравными степенями интернационализации капитала.

Соединенные Штаты являются крупнейшим должником с 35 трлн долларов активов за рубежом, включая прямые и портфельные инвестиции, кредиты и денежные резервы, но с 62 трлн пассивов, то есть инвестициями и депозитами иностранного капитала в США. Упадок чистой позиции США является признаком растущего несоответствия между движущей силой первой державы и ее условиями, а также одной из больших неизвестных этого десятилетия. За США следует Еврозона с 40 трлн за рубежом и 39 трлн внутри, Великобритания (18 против 18) и Япония (11 против 7). Необходимо учитывать влияние на эти цифры курсов акций и обменных курсов, но прежде всего высокую степень взаимопроникновения между старыми державами, которые составляют около половины запасов. Первым направлением европейского капитала являются Соединенные Штаты и наоборот. Это результат исторических связей между группами и державами старого империалистического картеля.

За последние пятнадцать лет этот контекст вошел Китай, увеличив свои иностранные активы с 3 до 10 трлн, отчасти благодаря Шелковому пути, к которым следует добавить еще 3 трлн из доставившегося ему вне-китайского наследства Гонконга. Мы исследовали зарождение и созревание этого империализма и поэтому располагаем обширной выборкой сравнений, чтобы исследовать также подъем Индии, исходящей из аналогичной континентальной базы. Это китайская канва, которую следует сопоставить с канвой американской и европейской, в изучении социальных и политических явлений империализма в эпоху азиатских гигантов.

Сегодня Дракон по всем параметрам превосходит Японию, но имеет достаточный вес, чтобы бросить вызов даже

Америке и Европе, которые в течение длительного послевоенного цикла накопили 30-40 трлн внешних активов. Индия, с другой стороны, находится на уровне средней растущей державы, немного выше Бразилии, с 1 трлн внешних активов и 2 трлн инвестированного капитала. Как и в Китае до 1999 года, на этапе взлета преобладает приток капитала, который питает империалистическое развитие. С другой стороны, запасы иностранного капитала двух восходящих азиатских гигантов растут в два раза быстрее, чем у старых держав.

Индия имеет трудоспособное население в 900 млн человек, активное население в 600 млн и резерв наемной рабочей силы более 300 млн: это источник прибавочной стоимости, который индийская буржуазия и международный капитал могут использовать для поддержания роста нового азиатского хищника, к которому присоединяются сотни миллионов латентных, потенциальных и урбанизирующихся пролетариев. В Индии неформальная занятость является, по сути, типичной формой труда во многих секторах: значительная часть городской занятости, включая самозанятость и случайную работу, является неформальной; согласно “Economic Survey” за 2026 год, работники с регулярным контрактом составляют 52% в секторе услуг, 26% в промышленности и 1% в сельском хозяйстве.

Можно предположить, что Индия отстает от Китая в экономическом развитии примерно на одно поколение. При этом у Индии есть дополнительные сложности: она находится в тени своего более крупного соседа и имеет более ограниченные возможности для маневра в отношении силы. В связи с этим в ближайшие годы необходимо будет оценить вступление индийских групп в международные объединения, которые делят мировой рынок, и участие самой Индии в борьбе между крупными империалистическими хищниками, которые делят мир пропорционально неравной динамике сил. «Сила же, — уточняет Ленин, — меняется в зависимости от экономического и политического развития»¹, будь то экономико-финансовая или политико-военная сила. Поэтому необходимо следить за тем, как проявляется подъем индийского империализма в международных отношениях.

Индия — третья азиатская страна, подписавшая соглашение о партнерстве в области безопасности и обороны с ЕС, после Японии и Южной Кореи, и третья страна, заключившая за несколько месяцев торговое соглашение с европейским империализмом, после МЕРКОСУР и Индонезии. Раджа Мохан пишет в “The Indian Express” от 14 января, что «Европа вынуждена переосмыслить свои давние зависимости: от российской энергии, китайских цепочек поставок и американских гарантий безопасности. Индия сталкивается с рядом проблем: торговое давление со стороны США, чрезмерная зависимость от российского оружия и растущие вызовы со стороны Китая на своих границах». В результате между двумя державами возникает своего рода объективная конвергенция в пересмотре их отношений с Америкой, Китаем и Россией, а также в перспективе объединения «демографического масштаба и глубины рынка Индии с промышленной мощью и технологической развитостью Европы».

Можно выдвинуть три соображения. Первое касается веса межимпериалистических соглашений между ЕС и Индией в совокупности отношений между державами. Очевидно, что торговые соглашения в Азии и Южной Америке являются частью — наряду с удвоением военных расходов — европейского ответа на атлантический

кризис, вызванный США, но они имеют и другие последствия. Евро-индийское соглашение предшествовало и частично способствовало заключению временного соглашения между США и Индией о торговых пошлинах. В свою очередь, эти соглашения ослабляют энергетические отношения между Индией и Россией, хотя Дели отрицает, что уступило давлению США, и разгорается полемика между индийскими политическими течениями. Наконец, это изменение повлияет на отношения между Россией и Китаем, а также между Индией и Китаем. Поэтому необходимо оценить взаимные изменения в многосторонних отношениях между державами. Если включить Японию в систему шести держав, это будет означать пятнадцать двусторонних отношений и двадцать трехсторонних отношений, то есть сложную систему взаимозависимостей, которая требует специального анализа и не может ограничиваться изучением экономических факторов, хотя это и необходимо. Это будет конкретный анализ кризиса порядка в Азии.

Второе замечание касается многостороннего выравнивания как империалистической теории Индии, не в смысле исключительной характеристики — все державы имеют множественные отношения — а в смысле политической традиции Дели, в которой отказ от старого неприсоединения постепенно соответствовал империалистическому созреванию. В течение многих лет, как и Китай ранее, Индия обладала своего рода «обусловленным весом», определяемым интересом великих держав к использованию «индийской карты» в азиатском балансе сил. Это отчасти подтверждается, особенно в отношении Китая, но в то же время трансформируется благодаря империалистическому использованию, которое Индия может придать этому в своих самостоятельных действиях в качестве великой державы. В этом смысле, если неприсоединение пыталось в некоторой степени извлечь выгоду из игры держав, то многостороннее присоединение является теорией индийской мощи.

Наконец, империалистические амбиции Дели должны соизмеряться с масштабами его гигантского континентального тела. Показательно, что соглашение о свободной торговле с ЕС исключило сельское хозяйство, которое считается неприкосновенным: от него зависят около 700 млн человек. С другой стороны, именно крупные группы продвигают открытие. Натараджан Чандрасекаран, президент группы Tata, пишет в газете “Times of India” от 30 января, что «индийские производители скоро будут интегрированы в производство ЕС и торговлю товарами с другими глобальными партнерами [...] в Индии будут построены сотни новых заводов». В. Ананта Нагесваран, экономический советник правительства и автор “Economic Survey”, комментирует в “The Indian Express” от 31 января, что «профиль индийского производства начинает подниматься в цепочке создания добавленной стоимости», но «задержки в приобретении земельных участков, в сфере коммунальных услуг, в получении разрешений регулирующих органов и в разрешении споров влияют на инвестиционные решения. [...] По мере того, как производство становится более сконцентрированным [...], роль государственных и местных органов власти будет решающей». Это ключевые узлы, которые придется развязать в Индии империалистической демократии.

Lotta comunista, февраль 2026 г.

1 — Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма / Собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. С. 373.

Десятилетие нарушения равновесия

Ничего неожиданного, Верховный суд США отверг протекционистскую политику Дональда Трампа: последний не имел права навязывать пошлины, используя чрезвычайную процедуру в обход парламента. Есть те, кто видит в этом событии реванш доктрины *равновесия властей*. Бесконтрольные притязания *исполнительной власти* – президентской администрации – пресекла высшая инстанция *судебной власти* в лице Верховного суда, передавая эстафету *законодательной власти* Конгресса, что в соответствии с американской Конституцией имеет налоговую прерогативу. Эта картинка будто бы и стройная, да только либералы запросто теряются в своих бумажных лабиринтах и упускают из виду столкновение действительных сил, что захватывают нормы и институты. Согласно марксизму, плюрализм властей отражает плюрализм интересов доминирующих групп капитала, что яростно и без передышки борются между собой.

Решение Верховного суда является, несомненно, актом *восстановления равновесия*, но в то же время подтверждением глубины *нарушения равновесия*. Как и раньше в столкновении с центром *монетарной власти*, ФРС, теперь видно, что за громким трамповским авантюризмом нет консенсуса ключевых групп и фракций американского империализма. Однако на буксире этого сумбурного президентства, пусть ограниченного и непоследовательного, собралась мощная коалиция интересов, от групп *хай-тек* до теплоэнергетики и даже оппортунистского сближения многих ключевых групп финансовой сферы. Чтобы скрепить воедино эту разнородную шайку, ослабленный Трамп должен показывать, что всегда имеет за собой инициативу. Верный своему стилю, он уже осыпал Верховный суд оскорблениями и поднял ставки с идеей об универсальном тарифе в 10 %.

На самом деле, много чего скрывается за растерянным шоу президента-хвастуна. Действительный мотор нарушения равновесия – это международный баланс сил. Впервые в истории Америка нашла в лице Китая равного по силе соперника и больше не станет мириться с прежними правилами; Европа спешит перевооружиться, чтобы не оказаться раздавленной между Вашингтоном и Пекином; другие державы находят пространство для своих инициатив. Американское нарушение равновесия, а также популистские вспышки в Европе являются только симптомом колоссальных трений, что накапливаются в международной системе государств, беспорядочной и лихорадочной реакцией на атлантический упадок. Нас ждёт *десятилетие нарушения равновесия*: политические трения внутри и *войны кризиса порядка* снаружи. Буржуазия попытается вовлечь в них наш класс. Автономия марксистской науки и революционной организации является более насущной, чем когда бы то ни было.

Управляющий Банком Италии Фабио Панетта выступил 15 января на открытии академического года в Университете Мессины и обратил внимание на некоторые аспекты рынка труда сегодня. Важное место занял вопрос заработной платы, который Панетта поставил в более широкий контекст: «*ослабленный*» экономический рост и замедление экспорта «*в связи с геополитическими трениями и фрагментацией мировой торговли*» выносят на первый план «*структурные слабости итальянской экономики*». «*Замедлители роста*» превращаются в «*постоянно слабое увеличение доходов и зарплат*».

Разная инфляция

Цифры весьма красноречивы: с 2000 года почасовая зарплата в Италии осталась «*практически неизменной*», в то время как в Германии она повысилась на 21 % и во Франции на 14 %. Что касается более недавнего периода после 2019 года, отмеченного высокой инфляцией, данные говорят о 20 %-м росте цен, но лишь о 12 %-м росте номинальных зарплат – это значит 8 процентных пунктов падения реальных зарплат. «*В других же крупнейших европейских странах изначальная потеря была компенсирована*».

Панетта указывает на два фактора, что могли бы сократить потерю и в Италии. Во-первых, вмешательство правительств в фискальную политику в последние годы компенсировало бы 3 процентных пункта. Рассмотрим подробнее.

Марко Леонарди, экс-глава департамента экономического планирования в правительстве Драги, на страницах газеты *Il Foglio* (28 и 30 января) излагает несколько наблюдений, что касается подсчёта инфляции. Цена товаров первой необходимости, что подсчитывается в рамках «продуктовой корзины», за период 2021–2025 годов росла быстрее, чем в среднем: 24 %, то есть на семь процентных пунктов больше общей инфляции. Разумеется, особенно пострадали слои населения с более низкими доходами, семьи, у

которых потребление, как правило, ограничено как раз товарами первой необходимости. Следовательно, для слоёв рабочих с меньшими доходами «компенсация» инфляции оказалась меньше среднего уровня.

Мы можем добавить, что этот слой отличается концентрацией рабочих-иммигрантов: согласно докладу министерства труда «Иностранцы на рынке труда в Италии» (2024), они получают заработную плату, что на 30 % ниже той, что получают итальянские рабочие с тем же уровнем образования. В этом месяце хроника выявила положение курьеров доставки, работающих удлинённый день и получающих ограниченную плату – в этом секторе заняты десятки тысяч работников, в основном мигранты.

В том числе среди наемных рабочих бремя инфляции неодинаково для всех и особенно тяжело давит на иностранцев.

Фактор нескольких источников дохода

Вернёмся к Панетте. Вторым фактором компенсации инфляции он называет рост занятости, то есть числа получателей дохода в расчёте на семью – то, что в наших терминах называется феноменом *нескольких источников дохода*. Это тоже фактор стратификации мира наёмного труда.

Леонарди подсчитывает, что из пятнадцати миллионов семей, основная часть дохода которых приходится на наёмный труд, три миллиона увеличили свои доходы благодаря росту получателей: от нуля до одного или от одного до двух. Для оставшихся двенадцати миллионов семей доходы последовали за отрицательной динамикой заработной платы. Результат таков: «*С одной стороны, положение трёх миллионов семей значительно улучшилось, потому что больше их членов работают; с другой стороны, положение двенадцати миллионов семей, что работают как прежде, немного ухудшилось по сравнению с пятью годами ранее*». Леонарди заключает: «*Занятость может ра-*

сти, но не может вечно заменять фундаментальную роль зарплат, которые теряют в покупательной способности».

Демографическое ограничение

Ещё один слабый пункт системы, по словам управляющего Банка Италии, – это «*демографическое ограничение*». Данные говорят сами за себя: к 2050 году Италия лишится более семи миллионов человек трудоспособного возраста, что приведёт к сокращению ВВП и общего благосостояния.

Подробности помогают узнать подсчёты центра социальных исследований ADAPT, что касается более близкой десятилетней перспективы. Узнаем разницу между числом 55–64-летних, что выйдут на пенсию, и 15–24-летних, что смогут выйти на рынок труда, – получим нехватку 4,3 млн человек. То есть падение с 23,1 до 18,8 млн, или на 18,6 %. В одной только промышленности отток составит 872 тысяч человек, или 20 %.

Демографическая проблема не является только лишь итальянской. Она затрагивает также Францию, что ранее обладала преимуществом в этом отношении: в 2025 году впервые был зарегистрирован естественный убыток населения трудоспособного возраста (20–64 лет) к общей его численности сократится на пять процентных пунктов, что в абсолютных числах означает 3,4 миллиона человек (*Les Echos*, 3 декабря 2025 г.).

Европейские тенденции

Положение французских рабочих ухудшается в связи с расширением различных форм «прекариата», что затрагивает четвертую их часть (*Le Monde*, 3 февраля). Речь идёт о временных контрактах, стажировках, навязанном неполном дне, а также о росте числа «микропредпринимателей», например, упоминавшихся ранее курьеров, что являются независимыми только формально.

И в Германии условия труда ухудшаются. Одной из мер, обсуждаемых правительством, может быть внесение поправок в закон о длительности рабочего дня: отказаться от фиксации обычного 8-часового рабочего дня в пользу 48-часовой рабочей недели – всё ради гибкости использование рабочей силы, к чему так часто призывают предприниматели.

Оппозиция профсоюзов четкая, по крайней мере в заявлениях их лидеров. Ясмин Фахими, председатель Объединения немецких профсоюзов, заявил о несогласии с реформой и напомнил, что «*профсоюзы сражаются за 8-часовой рабочий день как закреплённый в законе график работы с 1918 года*» (*Avvenire*, 29 января). Это требование возникло в ходе классовой борьбы, разразившейся в конце первой мировой войны.

Завершает картину «нормальной» Германии исследование Немецкого экономического института IW, близкого к предпринимателям: более 90% домашних работников действуют нелегально, без регистрации и страховки, а это от 3,7 до 3,9 млн человек (*Avvenire*, 22 января).

Стратификация класса

Таков европейский разрез условий труда «прекариата», что в остальном мире имеет куда более широкое присутствие. Международная организация труда докладывает о 300 млн рабочих, живущих в условиях крайней бедности, получая менее трёх долларов в день. Те, что заняты в «неформальном секторе», насчитывают 2,1 млрд в 2026 году, и их число растёт.

Чем шире смотреть, тем больше можно заметить различий, что характеризуют стратификацию мира наёмного труда. Таков наш класс. Следовательно, необходимо бороться за его объединение, что невозможно достичь только на почве профсоюзного действия. Нужно смотреть шире: интернационалистическое единство требует политического сражения.

Lotta comunista, февраль 2026 г.